

Западная помощь и вхождение в мировое хозяйство

На вопросы журнала отвечает
член-корреспондент РАН

Эрнест ОБМИНСКИЙ

«ОНС» Сегодня стала очевидным, даже тривиальной мысль о необходимости нашего вхождения в систему мирового хозяйства. Проводившаяся долгие годы автаркическая, по сути, изоляционистская политика в области внешнеэкономических связей потерпела крах. Вы как заместитель министра иностранных дел СССР были среди тех, кто боролся за пересмотр нашей внешнеэкономической политики. С какими проблемами вы столкнулись на этом пути, какие трудности еще предстоит преодолеть? Эти вопросы хотелось бы сделать общей темой беседы.

Э. О. Проблемы нашего вхождения в мировую экономическую систему оказались значительно сложнее, чем предполагалось. И для исправления ситуации совсем не достаточно, как казалось раньше, адекватно сформулировать задачи, сделать правильные выводы из того, что происходило в этой сфере на протяжении последних семидесяти лет. Ведь отношения с мировой экономической системой всегда носили крайне сложный характер, всегда были нашей «ахиллесовой пятой». Причины такого положения я вижу в том, что внутри страны можно было как угодно искажать экономическую логику, потому что вся экономика ставилась на службу определенным идеологическим установкам, но в сфере мирового хозяйства подобная практика не срабатывала — там надо было рассуждать и действовать «по-капиталистически». Нужно было продавать и покупать товар, вкладывать деньги, проводить финансовые операции по тем законам, которые существуют в мировой экономической системе, а не по тем, которые были установлены нами для себя. И этот разрыв между внешними и внутренними структурами преодолевался каждой стороной на свой страх и риск, каждым по-своему.

Это получало и «теоретическое» обоснование. Скажем, авторы достаточно популярной в свое время концепции «переходников» утверждали, что мы можем в отличие от остального мира существовать по своим законам, но в каких-то точках, на каких-то мостиках происходит соприкосновение с иной хозяйственной системой и в результате переходящие к нам товары «теряют свое капиталистическое качество» и «становятся социалистическими» (или наоборот). И это была не худшая теория, потому что она открывала хоть какие-то возможности для контактов: существовали и просто автаркические концепции. По-своему разрешали противоречие между внешними и внутренними отношениями практики, которые, например, доказывали, что государство получает огромную выгоду от продажи на внутреннем рынке товаров народного потребления при существовавшем тогда курсе рубля к доллару. Сегодня очевидна абсурдность самой постановки

вопроса об измерении эффективности внешнеэкономической деятельности объемом рублевой прибыли, но всего несколько лет назад подобный аргумент рассматривался всерьез.

«ОНС» Но такое противоречие между внешними и внутренними структурами не могло удерживаться долго.

Э. О. Естественно, должен был начаться *саморазвал системы*. Процесс мог происходить быстрее или медленнее, протекать в формах тихого гниения или более быстрого распада, это зависело бы от конкретной политической ситуации. Объективно саморазвал уже давно шел. Поэтому тем, кто стремился к ускорению процесса, к скорейшей ликвидации ненормальной ситуации, казалось, что с устранением созданных нами за семьдесят лет структур, по сути, мешающих нормальным внешнеэкономическим связям, сами собой возникнут благоприятные условия для того, чтобы мы могли легко вписаться в мировую экономику. Будут воссозданы естественные экономические связи, и рынок все сделает сам.

«ОНС» Но для этого нужно, чтобы рынок существовал.

Э. О. В том-то и дело. Причем сам период становления современного рынка — довольно мучительный. Вспомним одно из художественных свидетельств этого процесса — фильмы итальянских неореалистов, показывающие, как трудна была жизнь в послевоенной Италии и как долго тянулась полоса лишений, прежде чем возник рывок, приведший страну к ее нынешнему состоянию. Итальянцы бедствовали, согласны были уехать работать на любых условиях в такие страны, как Швейцария, в государства Северной Европы. Сегодня они вернулись домой.

Значит подобный процесс характерен для очень многих стран, в том числе и с развитыми рыночными отношениями. Поэтому нельзя говорить, что мы сейчас вступили в полосу трудностей, которых никто и никогда не знал. Другое дело, что эти трудности помножены на наши застарелые болезни, на то, что у нас давно был вытравлен класс предпринимателей как таковой, на то, что социальное напряжение, общественная нетерпимость, нетерпение у нас намного острее и сильнее, чем где бы то ни было. И в этом плане картина отечественного развития, скорее, ближе к латиноамериканским вариантам, чем к южноевропейским.

«ОНС» Боязнь социальных катаклизмов нередко толкает руководство на принятие популистских лозунгов, хотя их губительность для успеха экономических реформ очевидна.

Э. О. На том срезе истории, который мы сейчас переживаем, нужно исключительно квалифицированное руководство. В подобных ситуациях везде возникали подлинно великие фигуры хозяйственного, экономического плана, которые умели сочетать видение стратегических целей с очень тонким маневрированием всеми рычагами управления. У нас же, к сожалению, пока даже не выработан консенсус между обществом и руководством, позволяющий маневрировать набором экономических инструментов, регулирующих производство и движение товаров, услуг, рабочей силы и т. п. Нет продуманной системы взаимодействия общества и руководства, берутся то за одно, то за другое, заняты поисками того пресловутого звена, ухватившись за которое можно вытащить всю цепь. Все внимание направлено на решение конкретных сиюминутных задач и нет системного видения проблем. Таковы мы, это реальность, и такими мы входим в мировую систему.

Но иллюзорен и опасен тезис, что сначала нам надо измениться, стать лучше, а только потом стремиться в мировое сообщество. Важно, что разворачивающиеся у нас процессы становятся все более понятными Западу. Еще совсем недавно, например, американская позиция звучала приблизительно так: сначала вы упорядочиваете свои дела, подавляете инфляцию, создаете здоровый сбалансированный бюджет, начинаете реальную конверсию, создаете грамотные законы и начинаете их применять, тогда и мы

присылаем своих предпринимателей, которые смогут инвестировать капиталы в вашу экономику, помочь вам ноу-хау, технологиями и т. п. Однако в действительности оказалось, что ожидать, пока мы преодолеем кризис своими силами, нельзя. Западные европейские страны это понимали всегда и делали больший упор на политический аспект проблемы. Сегодня к такому же мнению приходят и США. Западные круги очень четко стали представлять себе, что такая казалась бы мелочь, как отсутствие продовольствия и элементарных благ, на коротком этапе может привести к катастрофе, создать, как у нас стало модно говорить, беспредел во всех отношениях. Поэтому я бы подчеркнул, что сегодня понятие «политическая воля» должно быть предельно насыщено экономическим содержанием.

«ОНС» Но политическая воля оказать нам помощь не отменяет вопроса о том, как это сделать, чтобы мы могли ее эффективно использовать на благо реформам. К сожалению, мы дали миру немало примеров растратирования полученных в долг средств.

Э. О. Да, в этой области меняются и наши, и западные подходы. Раньше мы заявляли, что нам не требуется никакого содействия в эффективном использовании полученных средств, что нам нужны лишь займы, кредиты, а все остальное мы сделаем сами. Эта концепция провалилась. И не удивительно: мировая экономика так никогда не строилась. Это не значит, что существует некая единая, во всех деталях похожая экономическая модель; есть единые принципы, единые стимулы, а их применение должно соответствовать экономической природе каждой страны, ее особенностям, традициям. «Японское экономическое чудо» — яркий тому пример. Но нам, повторяю, гораздо ближе латиноамериканский вариант, обусловленный и нынешней социально-политической ситуацией, и менталитетом народа, и т. п.

Сегодня лидеры Запада понимают, что любое содействие нашим реформам — экономическое, продовольственное — должно *служить целям переходного периода*, а не просто быть какой-то разовой акцией. А потому к проблеме помощи надо подходить системно, она в полном смысле слова становится системообразующим фактором.

«ОНС» Причем, очевидно, речь должна идти о переходном периоде не только для нас, но и для всего мира. От того, как мы вместе пройдем его, в полном смысле слова зависит будущее всего человечества.

Э. О. Конечно, ибо сегодня помощь нам становится не просто фактором строительства процветающего государства, но средством строительства *демократического государства*. Наши публицисты, а нередко и ученые, процветающее государство очень часто отождествляют с государством демократическим. Но в действительности могут существовать и процветающая диктатура, и бедная демократия. Но бедная демократия крайне неустойчива: у нее нет средств для обеспечения прав своих граждан, и рано или поздно в такой стране неизбежно начинают развиваться авторитарные процессы. Долго оставаться бедными и в то же время демократами нельзя, и потому я считаю, что сейчас помощь нашему государству — это одновременно и спасение демократии.

Если рассуждать, исходя из этой позиции, то к вопросам оказания нам помощи нельзя подходить с чисто экономическими мерками. Надо учитывать, что наш народ не потерпит полузависимого, полукolonиального положения — таков его менталитет. Соответственно, будут вызывать отторжение, возмущение виды контактов, чреватые экономической кабалой. В то же время проявление политического понимания наших трудностей, все большее проникновение в глубь стоящих перед нами проблем, бесспорно, будут содействовать росту взаимопонимания, интернационализации страны в самом высоком смысле этого слова. Ведь несмотря на провозглашаемые долгие годы принципы интернационализма (точнее — «пролетарского интернационализма»), на деле мы — наименее интернационализованная

страна во всем мире. Мы лишь начали открываться мировому сообществу, и этот процесс должен быть продолжен.

«ОНС» Но на Западе сильны голоса и противников оказания нам помощи. Их аргументация не ограничивается защитой интересов своих налогоплательщиков, которые, по сути, должны взять на себя дополнительные расходы. Выдвигается и такой аргумент — любая экономическая помощь нам лишь затягивает агонию старой системы. Эту точку зрения, например, год назад высказал Милтон Фридман на страницах нашего журнала¹.

Э. О. Пока у власти оставалось старое правительство, такой аргумент был достаточно весомым. Слишком велико в мире недоверие к нам, и надо отдавать отчет, что причина его кроется во многом в проводившейся нами десятилетиями политике. Запад привык, что в последний момент мы всегда можем вытащить что-то, как фокусник, из рукава.

Но сегодня на Западе складывается безусловное убеждение, что время игр прошло, что мы действительно полны решимости отстаивать демократические идеалы, но сама страна, ее народ находятся в тяжелейшем состоянии. А потому надо отбросить все сомнения, что помощь приведет к возрождению милитаристского Феникса из пепла.

«ОНС» Точнее — западная помощь сегодня нужна именно для того, чтобы он не возродился.

Э. О. Вот именно. Раньше считалось, что помощь спасает реакционный режим. Но сегодня ясно, что помощь спасает демократию. И это должно быть четко осознано и зарубежными партнерами, и нашим населением. Поэтому, как мне представляется, впереди у нас в отношениях с мировой экономической системой предстоит выработка четкого взаимодействия. Причем, подчеркну, что мы ни в коем случае не должны смотреть на помощь лишь как на какое-то средство пропитания. Безусловно, этот момент присутствует (прежде всего в отношении бедствующих групп населения), но главная цель — всесторонняя поддержка движения к рынку: от переобучения и подготовки специалистов в различных сферах экономики до прямого участия в становлении рыночных структур. И здесь хотелось бы упомянуть о роли многосторонних организаций. Очевидно, что помощь, оказываемая в рамках двусторонних соглашений, как бы хороша она ни была, ведет порой к появлению некоторой настороженности в отношениях западных стран между собой — каждый испытывает определенное чувство подозрительности, что в процессе оказания помощи отдельные партнеры преследуют и свои собственные цели: стремятся утвердиться на зарождающемся рынке государств СНГ, вытеснить конкурентов и т. п.

«ОНС» Но это нормальная рыночная реакция...

Э. О. И она должна быть на том рынке, который нам еще предстоит создать, в ситуации, более благополучной. Но сегодня лучше было бы избежать подобных натяжений. А потому, по-моему, весьма плодотворны многосторонние акции, которые должны носить объективный характер, не подверженный давлению преходящих факторов, подобным попыткам утверждения собственного влияния на рынке, т. е. без эгоистических мотивов сиюминутного свойства. Помощь должна носить стратегический характер. Ведь после войны, приступая к проведению «плана Маршалла», США прекрасно понимали, что способствуют возрождению конкурентов. Но это была в то же время и крупнейшая политическая стратегическая акция, потому что ставился барьер нашему проникновению в Западную Европу. США понимали, что голодный Запад будет подвержен идеологии коммунизма, идущей с Востока. Та же логика должна быть применена теперь — в голо-

¹ См. Ф р и д м а н М., Четыре шага к свободе. «Общественные науки и современность», 1991, № 3, с. 19.

дной стране гораздо сильнее тенденции уравнительности, губящие все реформы и способные обратить их вспять. Поэтому в данном случае «план Маршалла» для Западной Европы должен преобразоваться в «план Маршалла» всех стран Запада в отношении государств бывшего Советского Союза. Конечно, каждая страна по отношению к нам проводит собственную политику, исходя из собственных интересов, но в чем-то страны Запада должны координировать свою политику, объединять средства, с тем чтобы не допустить возникновения сильного политического поля конкурентной борьбы. Поэтому мне представляется наиболее благоприятным тот вариант оказания нам помощи, когда она идет по международным каналам. Для активизации процессов в этом направлении важно ускорить наше вступление в систему Мирового банка, в Международный валютный фонд и т. д.

«ОНС» Говоря об эффективности западной помощи, многие сегодня упрекают власти, с одной стороны, в чрезмерном увлечении займами, а с другой — в недостаточном поощрении прямых иностранных инвестиций в нашу экономику. Как вы относитесь к этой проблеме?

Э. О. Мне кажется, сам спор, который ведется уже много лет, что лучше — займы или инвестиции, сегодня потерял свой смысл, вообще устарел по своей природе. Уже говорилось о провале концепции, согласно которой мы сами без посторонней помощи распоряжаемся полученными кредитами. Но в современных условиях не полностью работает и другая схема, согласно которой иностранный инвестор вкладывает свой капитал в нашу экономику, принося в нее ноу-хау, передовые технологии и т. п., и в то же время не создает прямой долговой зависимости государства. Частный капитал сегодня просто не идет в страну, не опираясь на государственные кредиты и гарантии. Для частного бизнеса недостаточно гарантий, которые предоставляют ему правительства стран бывшего СССР, ему требуются и гарантии собственного правительства. А для этого нужны соглашения на межгосударственном уровне, в частности, необходимо ускорить заключение всех необходимых соглашений о страховании прямых иностранных инвестиций.

Важно также помнить: дать гарантии своим предпринимателям правительства Запада могут только за счет собственных налогоплательщиков. Выходит, что иностранный частный капитал за счет своих налогоплательщиков получает стимул и кредит для вложения средств в отечественное производство. То есть сама ситуация требует включения схемы, по которой взаимодействуют, с одной стороны, политические решения на межгосударственном уровне, а с другой — национальное кредитование, поощрение частного инвестора, чтобы он пошел в нашу страну. Вот те рычаги, которые позволят предпринимателю делать свое дело, не боясь провала. Но для этого нужно, чтобы западное общество в лице своих налогоплательщиков ясно представляло, почему вынимаются деньги из его собственного кошелька для того, чтобы у нас могли выстоять силы, занятые построением демократического общества и его экономической базы — действительно рыночной экономики. В такой ситуации очень важно тесное взаимодействие правительств, политически понимающих и видящих перспективу развития всех процессов гораздо шире, чем частный владелец капитала. Бессмысленно требовать от какого-нибудь фабриканта, чтобы он мыслил общемировыми категориями. Он должен просто делать свое дело, но ему надо создать условия. В одиночку наше правительство таких условий создать не может, а потому здесь требуются соглашения на международном уровне. По-моему, не только правительства, но и народы Запада начинают понимать, что нестабильность у нас, не говоря уже о ядерном противостоянии, может обойтись миру гораздо дороже, чем своевременно оказанная помощь. Югославия в этом плане всех потрясла.

«ОНС» В нашей стране развитие событий по югославскому варианту может стать вулканом для всего мира.

Э. О. Это, я думаю, должны понять простые люди на Западе и не уподобляться жителям Помпеи и Геркуланума, которые чувствовали подземные толчки, любовались сиянием над Везувием, и были уверены, что эти занимательные и красивые природные явления их не касаются,— они мирно пошли спать, чтобы быть погребенными под лавой извержения. Только международные усилия способны самортизировать наше сползание к катастрофе, и в этом заинтересованы не только народы бывшего СССР.

«ОНС» Но, помогая нам, люди Запада не могут не видеть и нашей неразберихи, и неумения работать.

Э. О. Сейчас процесс взаимодействия выходит на такой уровень, что у людей западного мира появляется очень много возможностей для оказания конкретного влияния на развивающиеся в стране процессы. Приезжают экономические советники консультировать правительство. В качестве экспертов выступают ученые разных школ, и нам, конечно, надо еще научиться выбирать среди них. Гуманитарная помощь оказывается при участии эмиссаров стран Европейского Сообщества. Само их участие — важный урок эффективной работы. Думается, и менеджмент, управленческий процесс, также должен идти совместно, чтобы наши руководители производства могли — не отрываясь от текущих дел — постигать международно признанные принципы экономического взаимодействия.

«ОНС» Есть еще одна проблема, вызывающая всевозрастающее беспокойство международной общественности. Это — «утечка мозгов» как следствие бедственного экономического положения людей творческого труда в нашей стране.

Э. О. По-моему, и здесь со стороны Запада мы все больше и больше видим понимание того, что надо создать для наших ученых условия внутри страны, которые позволили бы им пережить этот трудный период. Прежде всего тревога возникла в связи с судьбой наших физиков-ядерщиков, чьи знания могут быть поставлены на службу реакционным режимам. Но уже сегодня над судьбой специалистов и других областей знания начали задумываться на международном уровне. И тревогу здесь вызывает, помимо всего прочего, боязнь переноса наших внутренних отношений, отечественного менталитета в международную среду.

«ОНС» Боятся и другого — смыкания нашего и западного преступного мира.

Э. О. Да, это процесс, лежащий на поверхности. Мафия интернациональна, и было бы непростительно не интернационализировать усилия в борьбе с ней. Это еще одна из причин, требующих ускорения нашего вхождения в мировое сообщество. В противном случае мафиозные структуры, вооруженные несравненно более современными рычагами, нежели только зарождающиеся рыночные структуры, окажутся серьезным препятствием на пути реформ. Против преступного мира должны быть предприняты согласованные действия, в том числе по линии Интерпола.

«ОНС» До сих пор мы говорили об объединении усилий стран Запада для помощи нам. Но сегодня стало фактом то, что Западу приходится иметь дело не с одним, а с пятнадцатью суверенными государствами. Каковы наши возможности в консолидации собственных усилий, с тем чтобы мы могли выходить на международную арену именно как Содружество Независимых Государств? Все ли страны, входящие в СНГ, способны быть адекватными партнерами в международных делах, обладают соответствующим потенциалом?

Э. О. Надо ясно видеть, что болезни нашего общества не могут быть вылечены приказами сверху. Мы постоянно генерировали образ врага. Такой образ приобрел Центр, и ничто не могло его спасти. Потому что доста-

точно было любому политику — правому, левому, националисту — сказать о Центре: «Вот он — враг!», как все остальные соображения меркли перед яростным эмоциональным наступлением на Центр. Были люди, искренне убежденные в том, что Центр надо сломать, потому что он по характеру командный, догматически мыслящий, но были такие, для которых слом Центра открывал возможность творить у себя все, что заблагорассудится, под очень удобным и привлекательным лозунгом спасения своего населения, утверждения национальной самобытности.

Поэтому я считаю, что среди субъектов этого, как и любого другого, разрушительного процесса существуют и те, кто боролся за разрушение оживающей структуры, и те, кто воспользуется результатами случившегося и возглавит созидательное развитие. И здесь, по-моему, возникает тот самый водораздел общества, который сейчас потрясает буквально каждое молодое суверенное государство.

Идут очень сложные процессы, в которых неизбежны и потери, и издержки. Но я убежден, что довольно скоро туман рассеется и возникнет нечто, позволяющее разумно подходить к решению вопросов, начнутся естественные процессы интеграции. Так было везде. И мы, наверное, столкнулись бы с этим раньше, в 20-х годах, если был процесс развития у нас не по пути унитарного государства. После полосы взаимных претензий и разбирательств все мы начали бы уважительно относиться друг к другу и искать выгоду в сотрудничестве, а не в конфронтации.

Я думаю, что сегодня сама необходимость участия в мировом сообществе, экономическая целесообразность будут подталкивать разумных людей всех государств бывшего СССР к углублению взаимных контактов, к построению взаимоотношений на новой основе. Постепенно то, что сегодня занимает умы националистов в особой степени — проблемы протокола, особое представительство в мире и т. п., — отойдет на задний план, и люди начнут считать, сколько все это будет стоить, выгодно ли это. Сейчас же ради утверждения национальной государственности не жалеют никаких средств, ему приносится в жертву все. Такой этап неизбежен, и бессмысленно пытаться сегодня воздействовать извне на молодые государства, молодые парламенты. Но когда этот этап пройдет и будет «поделено» все, что возможно, включая и зарубежную собственность бывшего СССР, каждому надо будет серьезно оценить свои возможности — достаточно ли у них средств, да и специалистов для того, чтобы выступать на мировой арене в одиночку. Я думаю, отрезвление наступит довольно скоро. Уже сегодня представители бывших республик, непосредственно вступающих в контакты с представителями других стран (как внутри СНГ, так и вне его), рассуждают весьма разумно, но всем им приходится возвращаться в свои республики, отчитываться перед своими парламентами, где доводы компромисса на основе взаимной выгоды пока не находят отклика.

«ОНС» Значит сам процесс развития контактов, выходов вовне позволит со временем переломить взаимоотношения бывших советских республик.

Э. О. Думаю, встречи с международным сообществом послужат укреплению центристремительных тенденций в бывшем СССР. Они заставят задуматься о том, что мы используем далеко не все имеющиеся возможности. Ведь Запад думает именно о взаимовыгодном сотрудничестве, о том, что мы сможем ему предложить. А развивать такое сотрудничество можно, лишь поборов кризис во всех республиках, что гораздо эффективнее сделать всем вместе.

Интервью записано 23 января 1992 г.